

Виктория Ларионова, живописец, профессор Художественного академического училища памяти 1905 года, президент благотворительного фонда поддержки творческой молодежи «Лик»

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Хотя как художник я работаю иначе, но отождествляю себя с тем периодом, который называется «Мир искусства», и могу сказать, почему. Мирискусников интересовало абсолютно все – от рекламы до картины, они отлично организовывали выставочную деятельность, теоретическую деятельность. Мне нравится, что они, с одной стороны, стремились возродить традиции старой русской культуры – выхолить ее, показать всю, целиком: и живопись 18-го века, и народную игрушку, и архитектуру Русского Севера, и многое другое. А с другой стороны, они первые объединители мирового культурного процесса в изобразительном искусстве. Мирискусники первыми устроили большую совместную выставку, где Ренуар, Дега висели рядом с Малютиным, Врубелем...

- То есть поставили русское искусство в ряд с европейским.

Они объединили искусство, они первыми показали его как единую атмосферу, единый творческий поток, окутывающий землю, который невозможно перегородить какими-то государственными границами. Общее, спонтанное развитие искусства воспринимают художники в разных странах, и каждый в меру своей индивидуальности это трансформирует и воплощает. Способы визуализации у каждого мастера разные в зависимости от дарования, но проблема свыше ставится одна, а художники отвечают на нее разными голосами – и получается хор. Это очень важно для меня.

- И вы считаете это актуальным для нашего времени?

Это всегда актуально. Когда я попала, например, на выставку «Москва – Париж», то была восхищена тем, что получается, когда рядом висят Петров-Водкин и Дюфи...

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Период примерно с 1904 по 1922, переход от «Мира искусства» к предреволюционному и раннему послереволюционному периоду. Я бы сказала, что художники совершили свою революцию раньше, чем произошла социальная революция. Где-то к началу Первой мировой войны все уже было сделано. А дальше возникла уникальная ситуация, когда художники оказались востребованы государством

– я имею в виду уже советское государство. Полная смена общественной формации потребовала полной смены визуальных ориентиров. Художники «Мира искусства», Союза русских художников были к этому не готовы: они выдавали все ту же продукцию, которая теперь казалась обветшалой. Язык, словарь изобразительного искусства, которым они пользовались, был архаичен для новой эпохи. А вот левые – они делали то, что надо.

- Давайте уточним временные рамки этой эпохи: только до 1922 года?

До 1922 года появилось столько великолепных вещей – и в архитектуре, и в скульптуре, и в живописи, везде. Все искусство было пронизано невероятным духом социального оптимизма. И очень странно теперь осознавать, что тогда не было еды, все было разрушено, Чека бродила по улицам, – а художники делали великолепные вещи. Какое количество выставок! Сколько всяких театральных представлений, театральных кружков! Поразительная тяга к искусству! И такая же картина в литературе.

- Один из молодых моих собеседников, рассуждая об этой эпохе, но беря более широко – до начала тридцатых годов, считает ее вершинной потому, что тогда русское искусство оказалось на уровне выше общемирового...

Согласна на сто процентов.

3. Как сказалось на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Отрицательно. Все время до того, как он завершился, я была уверена, что советский строй – это удавка на нашей шее, но теперь я понимаю, что удавка была не от власти, удавкой были сами же художники старшего поколения, которые на тот момент исполняли функции власти в творческих союзах. Сами они часто были очень незначительны творчески. Вот я вам назову имя: Клара Власова. Вы, конечно, никогда не слыхали о таком художнике, и я не видела ни одной ее работы, но она председательствовала чуть не во всех выставках и первая высказывала со всякими «предложениями». И таких душителей была куча, потому что большие художники редко появлялись в выставках: им неохота было там отсиживать, как мы говорили, «жопочасы».

- Но ведь такие люди были воспитаны или во всяком случае прикормлены именно государством.

Верно, но они были воспитаны не тем государством, в котором жили мы, родившиеся уже после войны, а более ранними периодами этого государства, сталинским временем. Наше поколение иногда называют «продуктом застоя», наша мо-

лодость пришлась на брежневские времена. Но нас в институте учили по полной программе – мы подробнейшим образом изучали и древние периоды, и современный авангард. Получалась ужасная нестыковка, когда, кончив институт, мы приходили в Союз художников и встречали там вышеописанных граждан.

- Итак, конфликт не с властью, а с художниками предыдущих поколений. Но вот кончилась эта власть, ушли предыдущие поколения, и что же получилось?

Получилась полная грабировка. Мы оказались совершенно не готовы отстаивать свои права. Союз художников при советской власти был, как церковь, отделен от государства. У нас было все свое, и мы платили минимальные взносы, имея за эти деньги больницы, поликлиники, дома творчества, мастерские, командировки. Так вышло, что первые годы перестройки лично я провела в Германии, где выступала и работала, а потом вернулась и поняла, что у нас не стало ничего, в том числе и Союза художников, потому что Союз теперь – это вовсе не творческий союз, а какая-то неопределенная общественная организация, вроде общества пчеловодов-любителей. Он собирает взносы, но не дает ничего. Остались какие-то помещения, но и те сдаются в аренду, от крыши до подвала. Вроде из этих денег платят кому-то творческую помощь, но понятия не имею, кому. А овес, то есть краски и прочее, нынче дорог.

- А что же налицо в сфере собственно творчества?

Прежде всего, резкий упадок профессионализма. Все стали ездить туда-сюда, стали обезьянничать, что-то хватать понаслышке. Как в Москве теперь случается «оптовое» открытие то магазинов сантехники, то косметических лавок, так и здесь: пошел липовый авангард, липовый концептуализм. Раньше мы ко всему относились очень серьезно, мы работали, будучи избавленными от забот о хлебе насущном, и действительно выкладывались – конечно, я имею в виду настоящих художников, а не союзовских деятелей или «заработчиков». Не они определяли атмосферу. Мы всей душой отдавались поиску новых форм в искусстве, нам хотелось найти ответы на все вопросы, найти изобразительный эквивалент философии своего времени. Найти себя...

А теперь большинство спрашивает: где хавку берешь? И еще: кому продать, где бы халтурку подцепить? Некоторые держатся на подкожных запасах, другие – на преподавательской деятельности, иногда открываются возможности серьезной продажи работ через западные галереи. Но все-таки мы отравлены безысходностью, ощущением развала страны. Очень болезненно, что многое оказалось за границами этой страны. Ведь мы, художники, постоянно ездили по всему Союзу, мы все знали друг друга, вместе работали, и этот непрерывный обмен был очень полезным. Например, великолепный Союз художников был в Киргизии, у него имелось свое художественное лицо, очень интересное. Я считаю, что при

развале Советского Союза потерялось не только политическое и экономическое, но и художественное качество.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом нового лидера?

Вот именно в последние два-три года стало немного лучше. Это я говорю не в порядке комплимента Путину, даже не ассоциирую это с его именем. Я сама перестала сокрушаться, а начала как-то сопротивляться ситуации.

- Но это психологический фактор...

А кроме того появились некоторые сигналы со стороны московского правительства – какой-то намек на востребованность. Нами начали интересоваться. Нас стали приглашать к диалогу. Попробуют вести разговор с позиций товаробмена: вот вы, художники, нуждаетесь в том-то и том-то, а что взамен можете дать городу? Мы готовы давать. Как раз сейчас префект Центрального округа пригласил творческую молодежь, которой мы занимаемся, организовать выставку в стенах префектуры и показать свои перспективные предложения. За эти годы ведь все опустело – школы, детсады, больницы, другие учреждения, всюду пустые стены, рухнувшие памятники и прочее. Город надо целиком приводить в порядок. Даже в префектуре стены пустые, что раздражает ее сотрудников. Нужны фонтаны, ворота, карнизы новых конфигураций, и мы все это с удовольствием сделаем.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нужна ли она?

Что значит опека? Вряд ли она нам нужна, а нужна социальная защита. Конечно же, большое искусство нуждается в государственных дотациях. Творческие поиски художников невозможны иначе – нужны налоговые льготы, гранты, стипендии.

- *А вы не боитесь, что тот, кто платит за музыку, будет ее и заказывать – в смысле формы и содержания?*

Пока что нет и намеков на это. Да и раньше не было. История буйства Хрущева в Манеже случилась до моего рождения как художника. А в мои времена Министерство культуры покупало немало очень хороших работ: бывало, ретроградный выставком их отклонит, а приглашенные Министерством эксперты отберут и рекомендуют к покупке. Но вот вопрос: куда это делось? Говорят, что все запасники проданы. Но я так и не знаю ничего о судьбе своих 11-ти работ, проданных

вроде для каких-то музеев. И многие художники не знают, куда пропали их работы. Министерство культуры СССР кончилось, и все.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Вот я уверена, что Шилов – народный художник, если понимать народ как широкие и эстетически невоспитанные массы. Эти массы не всегда знают, где находится Третьяковская галерея, и не всегда соображают, что нетрудно туда пойти, посмотреть на Левицкого, Боровиковского, Кипренского – и сравнить с Шиловым. Но этого они сделать не могут. А Шилов все время подчеркивает, что он рабочий паренек, плоть от плоти народа. Что до элитарного искусства, то на данный момент я его как-то не вижу вообще.

- А те художники, которые сделали большую карьеру на Западе, типа Шемякина или Кабакова?

Все это вульгарная социология, карьера, выросшая на политике. Это было интересно, потому что мы раньше такого не делали. Этих художников можно сравнивать с современными им западными мастерами, но при таком сравнении они наверняка проиграют. Как проигрывает Шилов рядом с Кипренским, то есть копия рядом с оригиналом.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Да, понимаю именно как служение. Мы, художники, проводники между Богом и его творениями и людьми. Люди легче опосредованно воспринимают красоту окружающего. Картина для них – объяснение того, что они видят вокруг. Увидав на картине, как красив этот дом, они потом уже остановятся перед ним на улице и отметят его красоту. Людей надо учить видеть другими глазами. Мы – это глаза, которые нужны людям, чтобы видеть красоту. И потому наша деятельность – служение.

- Вы еще учите молодежь видеть красоту и запечатлевать ее...

Нет, я их учу другому. Я их учу прежде всего мобильности восприятия. Они должны понимать, что они видят, а также видеть невидимое – визуализировать невидимые смыслы. Сейчас стремительно растет объем информации, и люди в этом потоке теряются. Художник должен им помочь идентифицировать себя. Теперь художники должны работать по-другому, чем раньше. Видимая ими березка – уже не левитановская, она растет уже в другом мире. Они должны показать, что за этой березкой существует космос.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Я думаю, влияние идет через сферу науки, а про искусство – не знаю. Мне очень трудно назвать какое-нибудь современное художественное произведение, которое оказало бы на меня серьезное влияние. Разве что романы Умберто Эко.

Если же говорить о глобализации как об уравниловке, то это ужасно, и я стараюсь уберечь от этого как себя, так и своих учеников. Единство может складываться из множеств, а не из одинаковостей – мы не спички в коробке.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Не знаю. Думаю, что церковь сейчас очень похожа на прежнее политбюро. Конечно, я опираюсь на всякие телевизионные трансляции и прочее. Если же говорить об искусстве, то ведь мы, художники, всегда изучали религиозные сюжеты, читали Библию, сдавали экзамены по истории иконописи. Тут для нас ничего нет нового.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Наверняка можно говорить о завершении определенного этапа. А новых тенденций не видно, сама все время ищу их. Думаю, что впереди нас ожидает очень сложный процесс возникновения нового, возможно, это будет глубокое взаимопроникновение науки, техники, искусства. Будет сказываться влияние крупных открытий, порождающих новую философию. Например: каким должно быть искусство в эпоху, когда возможно клонирование человека?

Что касается завершения постсоветской эпохи, то, мне кажется, и советская эпоха не кончилась. Я думаю, что советский период был звеном общей российской истории. Народ, который живет на данной земле, – это живой организм, развивающийся, болеющий и выздоравливающий по своим законам, нам неподвластным и непостижимым, и политика – это лишь поверхность.